

Алия
Калаус

РАПСОДИЯ В ГРУЗИНСКОМ СТИЛЕ

БОРЖОМИ (АНДАНТЕ)

Я однажды была в Грузии, давно, маленькой девочкой. Тогда в моде были стилизованные бритвенные лезвия в серьгах, кулонах и перстнях. Тогда желтые шмели советских рублей летали повсюду. Тогда из радиоточек неслись спутанные в моем детском сознании голоса Кобзона-Пугачевой. Тогда советские люди все как один стремились вырвать в профкоме путевку в «здравницу и житницу», потому что берег турецкий не светил никому, кроме помазанников МГИМО в третьем поколении. И так далее. О своих впечатлениях я как-то писала, и рассказ вышел страшноватый – с кладбищем, приступами аппендицита и бытовым воровством. И вот я вновь еду в Грузию. Шмелей уж нет, бритвы исчезли в тумане философии, мой аппендикс упокоился в безвестной могилке, и лишь Кобзон с Пугачевой продолжают лютовать на арене шоу-биза.

Так что же я знаю о Грузии? Давайте посмотрим. Боржоми, цинандали, гамарджоба, хачапури, эта дорога ведет к храму, лобио, асса, генацвале, кепки-аэродромы, продал картины и кров, спектакль «Ханума», бамбарбия киргуду, скрипач не нужен, кушать люблю, а так – нэт, чудесный грузин, лезгинка, ох и дикий же народ – дети гор, колхида, кинжал, папаха, тамада. И все это – в ритме вальса «Вино, женщины, песни» с карикатурным грузинским акцентом. Негусто. Забегая вперед, скажу, что и вино, и женщины, и песни, и все остальное – на своих местах. То есть после поездки в Грузию никакие стереотипы не рухнули, ничего не встало с ног на голову, и никакая черная магия не была разоблачена. Просто на этот дешевенький каркас из цитат и анекдотов жизнь, как говорится, щедро накинула одежды реальности...

Итак. Группа алматинских блогеров-журналистов-писателей-рестораторов-фотографов отправилась в пресс-тур, посвященный 125-летию боржоми. Выходим из аэропорта в густую влажную жару, в Тбилиси +40. Видимо, Грузия решила помочь нам акклиматизироваться. Программа насыщенная – первым пунктом стоит посещение города Боржоми и одноименного завода знаменитой минералки.

По волнистым улицам красивого, как древняя резная шкатулка, Боржоми гуляют толпы отдыхающих соотечественников. Наплыв казахстанцев ознаменовался даже открытием отеля «Alma-Ata» с трогательными зелеными яблочками по бортам (эх, густо-алый апорт, где ты?..). Много туристов и из других стран: слышна речь русская, немецкая, английская, китайская... Повсюду большие и крохотные

гостиницы, большие и очень большие рестораны. Сувенирные лавочки, забытые кубками-рогами, кольцами и браслетами, гамаками, магнитами на холодильник, керамикой и баночками с экзотическим вареньем, нанизаны на улицы, как ядра грецких орехов на нитки чурчхелы, и залиты густым виноградным соком зноя...

Но не только туризмом живет Грузия.

Боржоми – подарок доброго грузинского бога своему народу. Боржоми, «кавказская перья», водичка, любимая императорами и генсеками, бьет себе из скважин как фонтан прозрачной горячей артериальной крови, только успевай подставлять бутылки да крышки завинчивать. Она уже создана по единственно верной рецептуре, а дальше, кажется, дело техники... Да? Нет. Дальше как раз самое трудное.

Мы, жители страны с полным набором таблицы Менделеева под ногами, знаем: освоить подаренное природой – это огромный самоотверженный труд. И грузины показывают отличный пример правильного отношения к достоянию нации.

На заводе (новенькое здание, чистые просторные цеха) выпускаются ежедневно тысячи бутылок боржоми в стекле и пластмассе. И огромная часть их отправляется к нам, в Казахстан.

Казалось бы, зачем рекламировать и продвигать бренд, о котором и так знают буквально все? Из разряда «птица – курица», «поэт – Пушкин», «минералка – боржоми»? И все же это необходимо. Ведь лежачий камень никакая целебная минералка не сдвинет с места. И производители стараются изо всех сил. В Грузии отношение к «боржому» сакральное. И это заметно даже по дизайну заводских помещений.

На стенах висят не портреты президентов и грозных директоров, не скучно-хващливые графики и схемы. Там представлены потрясающие работы Прокудина-Горского, который был в начале прошлого века в Боржоми и сделал серию удивительных цветных фотографий, отразив и виды города, и рабочий цикл тогдашней фабрики по производству знаменитой минеральной воды.

...Пьем воду прямо из источника, точнее, из трубы, ведущей в недра скважины. Вода горячая, странная на вкус – но это именно она, боржоми, та самая вода, которая спасает наши почки и печень. И многое другое. А почему я вдруг озаботилась спасением собственных почек? А вот почему. Впереди – серия классических грузинских застолий. Я об этом еще не знаю. Я думаю, что вот мы сейчас просто сядем и быстренько поужинаем. Ну, наверное, выпьем пару глотков за встречу. Не может же быть, чтобы как в кино... Или? Или может?

Может, Лиля, может. Правильно делаешь, что затариваешься боржоми на вечер. Эта водичка тебе ох как пригодится.

КАХЕТИЯ (АЛЛЕГРО)

В общем, благодаря целительному действию боржоми, я была готова ко второму дню путешествия по Грузии. И отправились мы в Кахетию...

Сигнаги – город влюбленных. Дом бракосочетаний Сигнаги круглосуточно открыт для всех, кому не терпится опутать себя брачными узами. Холостяки суеверно обходят его стороной...

Необыкновенно красивый город прилепился террасами к крутому склону горы, умиротворенно забывшись в объятиях одной из самых крупных военных крепостей Грузии (28 сторожевых башен с потрясающим видом на Алазанскую

долину). Основная застройка города датируется XVIII веком. В этом маленьком городке с двумя тысячами жителей (который, тем не менее, является одним из самых известных в Европе туристических центров Грузии) есть весьма современный музей истории и этнографии, который считается одним из лучших в стране. На втором этаже – выставка картин легендарного Пиросмани – Нико Пиросманишвили. Пиросмани прожил почти не задокументированную жизнь гения-маргинала, оставив в наследство миру серию примитивистских полотен У его животных – коз, жирафов, коров – человеческий взгляд, а люди, изображенные им, похожи на героев мифических эпосов. Они странные, картины Пиросмани, загадочно-простые и темно-яркие... Перед музеем установлена статуя-репродукция одной из самых известных его картин – «Доктор на ослике». Картины Пиросмани нам фотографировать не разрешили. Одна из них, принадлежащая коллекции музея в Сигнаги, «Крестьянка с сыном»: у женщины – лицо грузинской Мадонны, а мальчик так жадно тянется к виноградной грозди, будто это – материнская грудь из его младенчества... Наверное, это и есть материнская грудь, виноградная гроздь, источник еще одного, кроме боржом, драгоценного дара грузинского бога своему народу – великолепного грузинского вина. Да не оскудеет эта древняя гроздь-грудь на многие века.

После небольшого двухчасового перекуса с пятью переменами блюд, налюбовавшись потрясающими красотами Алазанской долины, мы отправились в Кварели, на знаменитый винный склад компании «Хареба», представляющий собой тоннель длиной 7 700 м. В этом тоннеле, именуемом Кварельским, происходит дегустация вин. Наслаждаясь подземным холодом (напомню, что жара в те дни стояла страшная, сорокаградусная), мы разглядывали экспонаты небольшого музея виноделия, попивая разные виды дегустационного вина и склоняясь к мнению, что настоящее грузинское вино из квеври – самое лучшее.

Потом – опять дорога, уже в другой винный погребок, где меня угостили бренди 70-летней выдержки. В связи с чем обстоятельства тамошнего застолья помню так себе. Вот разве что грузинское пение... Как рассказали певцы, семьдесят, если не девяносто процентов грузинских песен – о любви к женщинам. Остальные посвящены родине и дружбе. Не знаю почему, но абсолютно все спетые в тот вечер песни показались мне трагически-грустными. И в этом я глубоко солидарна с грузинской традицией. Грустное и трагическое это дело – любовь, дружба и патриотизм. Если и встречается в жизни (очень-очень редко), то ничем хорошим, как правило, не оборачивается...

На обратном пути, сквозь сыто-пьяную дрему слушая пререкания нашего замечательного фотографа Григория Беденко и не менее замечательного экскурсовода Лексо (здесь остановите; а еще – вон там, где коровы купаются, свет же классный; ах, какой кадр; а еще виноградники не сняли, непорядок; Григорий, мы торопимся, у нас график; Григорий, тут мост, нельзя остановиться; Григорий, стойте, туда нельзя; куда пропал Григорий; я за ним не угнал; ждем уже полчаса; пусть сам до отеля добирается; Григорий, слава богу; невозможно за пять минут сделать хороший кадр; черт знает, что такое; я же фотограф; а я экскурсовод и так далее и тому подобное), поглядываю в окно автобуса. И вдруг – галлюцинация. По встречной полосе резво катится трактор, им управляет деловитый индус в национальной одежде с красиво подстриженной характерной бородкой, в ярко-сиреневой чалме. Протерла глаза, покосилась на соседку.

Та тоже обалдела. Значит, видели все. Лексо говорит (без особого интереса): «Было время, когда здесь земля была очень дешевая... Многие купили, теперь живут...»

ТРАПЕЗЫ (ФИНАЛ-АПОФЕОЗ)

Трудно повествовать об этих лукулловых пирах. Дома, приехав из Грузии, я попыталась подробно изложить весь механизм действия, подкрепляя свой рассказ фотодокументами и отчаянной жестикуляцией. Семья слушала меня со всё возрастающим возмущением. Наконец моя вдохновенная песнь была грубо прервана. Действительно, баснями сыт не будешь... Так что ограничусь парой рекомендаций. Грузинское застолье длится долго, а новые блюда поступают непрерывно, так что вскоре из-за недостатка места на столе они громоздятся двух и даже трехэтажными конструкциями. Так вот – не сосредотачивайтесь на закусках, умоляю! Они необыкновенно вкусны. Только о грузинских сырах можно написать дюжину поэм и парочку диссертаций. Помните: вас ждут горячие блюда, и они будут тоже прекрасны. Курица в разнообразных соусах (изумительна курица в чесночно-молочном соусе), запеченные с маслом и сыром шампиньоны, всевозможные горячие сырные закуски и (конечно!) разные виды хачапури. Я уж молчу о сочных ароматных хинкали (от миниатюрных до огромных), шашлыке, цыплятах табака... В общем, не увлекайтесь чем-то одним. Главная присказка хозяев: ешь сейчас, завтра уедешь и будешь вспоминать о блюдах, которые так и не попробовала!

Трапеза, естественно, не обходится без вина, его подают в кувшинах, и пьется оно великолепно. Это вино особенное, только грузинское. Его делают по уникальной технологии, которой тысячи лет. Керамические кувшины кевври, похожие на амфоры, вкапываются в землю, и вино выдерживается в них несколько месяцев, настаиваясь вместе со жмыхом. Кевври бывают разных размеров, от миниатюрных «кувшинчиков» до гигантских, на сотни литров. При археологических раскопках были обнаружены кевври, которым больше двух тысяч лет. А вообще, любой грузин вам скажет, что именно Грузия – родина вина, и его тут пили еще в седьмом тысячелетии до нашей эры... Подтверждением тому – крохотные фигурки, найденные археологами на этой древней земле, например, фигурка мальчика с традиционным рогом, явно участника застолья. В увеличенном виде эта скульптура украшает вход в археологический и этнографический музей города Сигнаги.

Вернемся к грузинскому вину из кувшинов. Вкус у него – мягкий, ясный и бодрящий. И вот тут – второй совет. Не налегайте, даже если вам кажется, что вино «не берет». Берет, и еще как, но для этого надо встать и попытаться пройтись. Иногда даже встать не получается... Так что – осторожнее! Однако это не значит, что надо пропускать тосты. Ни в коем случае. Тосты – это святое, есть своеобразный регламент (перечень обязательных тостов), и соблюдать его необходимо.

Чем ближе к финалу застолья, тем больше еды на столе. Парадокс? Нет, традиция. Оказывается, провозжать гостей из-за опустевшего стола – позор для хозяев. Стол должен ломиться от еды. Такая же история и с вином. В Грузии нельзя сидеть за столом с полупустым бокалом. Его заботливо будут «освежать», то есть под-

ливать в него вина, да так ловко и незаметно, что вы и понятия не будете иметь о том, сколько выпили на самом деле... Тот, кто подливает вино сидящим за столом, по грузинскому поверью, попадает в рай.

Еда и питье – сакральны, они (и обычаи с ними связанные) несут информацию о национальном характере, истории страны, но не только об этом. На мой взгляд, грузинские застольные традиции – это целая космогония, это попытка удержать строптивое время, усадить его за стол, закормить и опоить, создавая видимость и ощущение бесконечности. Удивительно, но это работает! Сидя за грузинским столом, пробуя еду, попивая вино, слушая тамаду, наблюдая за гостями, вы теряете счет часам. Вы живете здесь и сейчас – в сытости, в приятном опьянении (напиваться «по тяжелой»), это, кстати, тоже позор), вы поднимаете тосты за любовь, дружбу, ушедших близких, родину, семью, и это объединяет вас со всеми, кто сидит рядом. На вопрос о том, как маленькая Грузия (в стране живет меньше четырех миллионов человек) смогла в течение столетий сохранить территорию, традиции, язык, культуру, национальную самобытность, религию – ведь набегов на эту благодатную землю было не счесть, – так вот, на этот вопрос грузины отвечают, что победили врагов едой и вином. Они их, фигурально выражаясь, съели...

КОРФУ – ОСТРОВ МОЕЙ МЕЧТЫ

Вот именно так и обстоят дела. Точнее, обстояли. Дело в том, что я в детстве зачитывалась книжками Джеральда Даррелла, путешественника, зоолога, ловца диких зверей – а главное, защитника редких видов животных и создателя легендарного зоопарка для исчезающих видов на острове Джерси. Даррелл написал тридцать семь книг, и все они посвящены животным и его деятельности по отлову и помощи им. Я – не поклонница дикой природы, а из животных люблю разве что кошек, и то – короткошерстных, но читала его книги с наслаждением, потому что в них счастливо соединяются фанатизм автора, живость стиля, знаменитый английский юмор – и самоирония, конечно. Самая любимая – книга о детстве, которое мальчик Джерри провел в Греции, на острове Корфу, и называется она «Моя семья и другие звери». Знаю ее практически наизусть и цитировать могу с любого места...

В общем, когда-то я подсадила на эту книгу свою младшую сестру. И она тоже в нее влюбилась и даже (когда подросла) начала помогать Фонду охраны дикой природы, который вместе с зоопарком основал когда-то Даррелл.

Когда я маленькой хохотала и плакала над этой книжкой, мне и присниться не могло, что когда-нибудь поездка на остров Корфу будет зависеть от того, сколько человек готов выложить за несколько дней летнего отдыха.

И вот – я здесь благодаря моей дорогой сестричке.

УТРО ПЕРВОГО ДНЯ НА КОРФУ

Первый день на новом месте всегда такой длинный, странный. И запоминается до мелочей. Он длится и длится, из-за маэты с часовыми поясами, кажется, и не кончится никогда. А потом наступает второй день, и он проходит почему-

то гораздо быстрее. А третий вообще пролетает. А потом – шелк-шелк, только успевай закаты фиксировать...

В общем, я уже грущу, что надо будет отсюда уезжать. Потому что в раю можно побывать только проездом. Окунуться в теплую чистую воду, наснимать кучу кривоватых фото, надышаться свежим воздухом, налюбоваться на белое-голубое-зеленое. И обратно.

Хочется плакать от счастья под каждой узловатой оливой, под шум каждой набежавшей волны. Душа окончательно расправляется, расплавляется и растекается в лужицу на песке, и вот – от нее уже ничего не осталось, от души этой неуловимой. Август – слезы.

Сестра впадает в противоположное безумие. Деловитое и логичное. Каждое утро скрупулезно и с наслаждением проверяет погоду в Екатеринбурге (дождь, температура колеблется от +5 до +6, в общем, деревню Гадюкино смыло). Затем надевает алую шляпу и заявляет: «В Екате в этом году было 14 дней лета. Четырнадцать! И это не смешно!» Потом решительно берет сумку с литературным номером «Сноба» и отрывисто говорит: «Поеду в город. Ты можешь не ехать, если не хочешь. Но все же лучше будет, если захочешь». И я понимаю, что лучше захотеть, а то подбородок ее выдвинется, брови сойдутся к переносице – ох, лучше не спорить, ведь только человек, не раз переживший летние заморозки в Екатеринбурге, знает, как следует отдыхать по-настоящему. По-нашему, по-бразильски. Чтобы ни одна капля солнца не пропала втуне.

...А комары здесь звенят, как песнь песней Соломона...

Экскурсия по Корфу. Палеокастрица. Мужской монастырь Божией Матери.

Вообще-то сами островитяне называют свою родину не Корфу, а Керкира, на античный манер. Керкирой звали нимфу, в которую влюбился Посейдон, украл, естественно, да и подарил ей остров, назвав его в честь зазнобы. Название «Корфу» произошло от греческого *Κορυφαί* (Корифай) (гребень горы) – на острове довольно высокие горы.

На Корфу уникальный микроклимат, невероятно богатая флора – здесь прижились растения, привезенные из Южной Америки, Китая и даже из Австралии. Пальмы, мандарины, кипарисы – и оливы, которых на Корфу аж четыре миллиона! Корфиоты называют свой остров ботаническим садом. А Джеральд Даррелл называл его «сад богов». И он абсолютно не погрешил против истины.

После дворца Ахиллион мы отправились в городок Палеокастрицу, полюбоваться на древний монастырь Божией Матери, основанный в XIII веке. Монастырь находится на вершине живописной скалы, с которой открывается изумительный вид на Ионическое море. Внутри – здорово. Уютно, чисто, много цветов и деревьев. Во дворе сладко спят ухоженные кошки, не менее десятка. В церкви находится чудотворная икона «Животворящий источник», а во дворе монастыря – облицованный чудесной мозаикой колодец, исполняющий желания, – надо загадать желание, встать к колодцу спиной и бросить монетку через плечо (если попадешь в колодец, желание сбудется).

Потом мы катались на лодке. Но мне не понравилось, потому что я, оказываясь, страдаю от морской болезни. Все же несколько фотографий сделала, вот, например, символ Корфу-Керкиры – окаменевший по воле Посейдона корабль Одиссея. Именно сюда, на зеленые склоны Керкиры морские волны выбросили Одиссея перед самым его возвращением на Итаку, здесь его нашла и спасла дочь

царя феаков Алкиноя Навсикая, именно жители античной Керкиры – феаки – помогли Одиссею добраться до Итаки, за что их жестоко покарал прародитель Посейдон...

О РЫБКАХ, ПТИЧКАХ И СОВКОВОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Некоторые гречанки – удивительные. Их огромные глаза, не в силах разместиться на узком лице, утекают к вискам и даже к затылку. В сочетании со смазанным подбородком и выдающимся носом это делает девушек похожими на рыб – с глазами по бокам лица. Разумеется, на прекрасных рыб. Такой прекрасной рыбой была наша стюардесса на рейсе Афины – Корфу. Мы давно уже расселись в маленьком самолетике, а он все не взлетал. Стоял себе – двери нараспашку, в кабине пилота – тусняк. Стюардесса-рыба, пилот и непринужденно примкнувшая к ним кудрявая дева в тревожной оранжевой жилетке болтают, смеются, кажется, пьют кофе. И взлетал самолет как-то нецелестремленно. Не то чтобы через силу, но расслабленно. Дескать, так уж и быть, черт с вами. Будет вам и море, и белый пароход.

Гречанки-горничные совсем другого типа женщины. Низенькие, кругленькие, смешливые. Одна аж захлебнулась от смеха, прикрывая рот натруженной ладошкой, когда увидела, как я горделиво чапаю на пляж в гостиничных белых тапках. По рассеянности, конечно, а не по злему умыслу. Шуз, кричит, шуз!

Я за границами бываю чрезвычайно редко. Дикий я человек, дитя гор и так далее. Формально осведомлена о правилах политеса, но на деле все время позорюсь. Вот из лифта (а лифт – не простой, это лифт на пляж) выходит мне навстречу старушка в шортах и с бодрой голубой шевелюрой. Хрестоматийная такая старушенция. И ласково мне улыбается. А я не успеваю ни улыбнуться, ни ляпнуть какое-нибудь «хелло», тупо смотрю на нее. Некрасиво получилось, да. Ну ладно, пока спускаюсь на пляж, вешаю на физиономию доброжелательную улыбку. Внизу меня встречает огромный дядя с медным от загара брюхом и усами а-ля Первая мировая. Его тяжело-звонкий взгляд в ответ на мою улыбочку заставляет меня ее проглотить и ею же подавиться. Да ну их всех. Не напасешься культурных стереотипов на всю эту разноязыкую ораву. Итальянцы, американцы, англичане, испанцы, русские, китайцы – кого тут только нет.

На пляже хорошо – лежаки, полотенца, «грибочки», столики с пепельницами. Дно – мягкий песочек, вода прозрачная – с фирменным переливом из белогоголубого в сапфир и морскую волну с бирюзовым акцентом. Рыбки, камушки, капелька водорослей, невдалеке – контора, катающая туристов на парашютах и надувных диванах. Всё – без нажима, чинно-благородно, ни лишнего шума, ни криков, ни пятен на воде, ни мусора.

Родители возятся со своими чадами на мелком месте, обучают плаванию. Детский смех, крики гордого отца: «Браво, Серджи! Брависсимо!» Рядом английский дедуля катает своего малька на цветастом матрасике, делает ему «воо» и беззвучно хохочет, щелкая вставной челюстью. Скандинавская постаревшая Снежная королева сидит у самого берега, болтает в воде синими лапами, умиленно щебечет что-то двум робким девчушкам. Сплошное ми-ми-ми и восторг.

С мыслями о том, что только так – солидно, комфортно, по-человечески – и надо отдыхать, а иначе и связываться нечего, ну его, пусть – раз в десять лет, или в двадцать, или даже пусть раз в жизнь, но чтобы с вежливостью, кондиционером,

опрятностью, вкусной едой, теплой водичкой и мелким песочком... омммм... мм. С мыслями об этомммм – засыпаю...

Сквозь сон слышу монотонный вопль: «Будешь еще так делать, будешь?! Отвечай, ну?!» – затем следует бульканье, панические крики: «Нет, папочка! Пусти, папочка! Не будуууу!!» – снова бульканье, и опять вступает этот гнусный высокий безжизненный голос: «Будешь еще уплывать? Будешь? Скажи!» – снова бульканье, плеск, вопли «Не бууудууу!!! Прости!» – и дикий безудержный (отечественный) рев, сотрясающий всё Средиземноморье.

Да. Это он – великий и могучий, это родные (куда деваться) интонации. Это вам не уточки с утятками и гуси с гусятками, не хелло-гудбай, не уси-пуси с разноцветными надувными матрасиками, не улыбочки приветливые и не поклоны с реверансами. Это папа с сыной пришли искупаться. Сына заплыл, куда не надо. Папа догнал и превентивно притопил раз семь или восемь. Чтобы сына знал, сволочь такая, куда плавать, а куда нет. И детям, и внукам своим наказал, паразит, сил моих нет, заткнись, падла.

Брависсимо, Серджио.

О КОРМЛЕНИИ

Джеральд Даррелл «Моя семья и другие звери»: «Консул обожал кошек. В его собственном доме жили три огромных, раскормленных кота персидской породы. Однако видеть этих голодных, шелудивых представителей кошачьего племени, бродивших по крышам напротив его окна, было слишком большим испытанием для чувствительной натуры консула.

– Я не могу их всех накормить, – объяснил он, – поэтому, чтобы они были счастливы, я их убиваю. Им так лучше, но мне это приносит большое огорчение.

Всякий, кто увидел бы этих кошек, легко бы мог понять, какой благородный и полезный труд взял на себя этот человек. Так вот и шли наши уроки французского языка, с постоянными перерывами, когда консул бросался вдруг к окну, чтобы отправить в более радостный мир еще одну кошку. После каждого выстрела на минуту воцарялась тишина, из почтения к смерти, затем консул громко сморкался, трагически вздыхал, и мы опять углублялись в запутанный лабиринт французских глаголов».

...Пребывая на Корфу, свидетельствую: кошки остались в прежнем состоянии. Худые как велосипеды, вечно голодные, больные-увечные. Грустные кошки, в общем.

Моя неугомонная сестра взяла их на полное обеспечение с момента приезда. И не только кошек, кстати. Ее день выглядит так: утром она будит ленивую меня, понукая, ведет завтракать. Пока я ем омлет, глазаю на экзотических туристов за соседними столиками (тут много стариков, а старики – это же песня с припевом, например, бывают добрые старухи в деревянных бусах и оранжевых шортах, а бывают злые – в бирюзе и белых сланцах, а еще... впрочем, о стариках – в другой раз), так вот, пока я булькаю своим апельсиновым фрешем, сестра аккуратно заворачивает три ломтя хлеба и здоровенный кекс в салфетки и начинает нетерпеливо вздыхать. Это значит – хватит расслаживаться, пора идти кормить рыбок. Вскоре мы уже плетемся по песочному дну, раскидывая по воде мякиш, на который жадно набрасываются стайки серых юрких рыбешек.

Во время обеда она требует, чтобы я взяла что-то мясное или рыбное, потому что обед этот мы обычно делим с местной кошачьей семейкой. Полпорции шашлыка или баранья котлетка плюс остатки кальмара – и кошак, насытившись, уходит, деликатно унося в зубах последний кусочек. Кстати, однажды мы предложили кошкам маслины – и те их съели, что, наверное, неудивительно – ведь это греческие кошки.

Вечером сестра неукоснительно отправляется кормить кошек, живущих рядом с магазинчиком. В связи с чем в этот магазинчик стали завозить кошачий корм (первые дни кошкам приходилось довольствоваться собачьим).

Все эти процедуры называются «покормить девочек». Почему именно девочек – ведь мальчики тоже вполне могли бы затесаться в эти кошачье-рыбьи стаи – мне тоже кристально ясно. Дома у нее живут две кошки, Тося и Анфиса. Это невообразимо наглые избалованные существа, которые много лет держат под своей мохнатой пятой мою сестрицу. «Да, – говорит она в минуту просветления, – я нахожусь в рабстве у кошек. Но это сладкое рабство!» Тося и Анфиса не балуют свою хозяйку излишними нежностями. Изредка, раз в пятилетку, помурлычут минут пять. Ну об ноги потрутся, встретив после многодневной командировки, – и то не всегда. Про свернуться калачиком или там руку лизнуть – даже не мечтайте, как и полежать рядом с хозяйкой, грея ее теплым бочком в ненастные ебургские вечера. А вот усыпать все пространство жизни своей разноцветной липучей шерстью, или нагадить меж двух идеально чистых кошачьих лотков, или изорвать бок дивана, или отказаться от очередного вида мокрого корма и брезгливо зарыть порцию сухого, как дорогуший наполнитель все в том же лотке, – всегда пожалуйста. Поработенная этими злобно-ревнивыми тварями, сестра моя всё, что ползает, прыгает и плавает вокруг неё, называет «девочками».

...Рыбки, которых мы кормим по утрам, тоже напомнили ей о ее макабрических любимицах, точнее, об одной из них. Теперь они называются «рыбы-тоськи».

– Ах, какие они голодненькие, бедные девочки! Рыбы-тоськи, плывите сюда, здесь вас ждет вкусная еда. Посмотри, как они жрут... Надо будет завтра хлеба побольше принести с завтрака. Ну что встала, мамаша? Пойдем в закрома!

И она деловито ныряет в бирюзовое море. Кого будем кормить завтра? Рыбок, кошек, песиков, какаду, пеликанов, медведей, заблудившихся старичков? Кто знает.

В ГРЕЦИИ ВСЁ ЕСТЬ

«Ты вчера раньше ушла с пляжа, – говорит сестра нарочито ровным голосом, и я вздрагиваю. – И унесла мою зажигалку. Я чуть не осталась без огня! Если бы, конечно, не запасная зажигалка».

В её сумочке есть всё. И это всё содержится в её недрах в идеальном порядке. Сигареты, зажигалка, запасная зажигалка, салфетки влажные, салфетки сухие, журнал, еще один журнал, темные очки, контейнер для линз, контейнер с линзами, запасной контейнер, воск для ногтей, пилочка, айпад, крем для бровей, зеленое яблоко, крем для ноздрей, крем для ушей, остальные крема для всего остального, жвачки ментоловые, жвачки клубничные, запасные ментоловые жвачки, ватные тампоны, ушные палочки, мобильный телефон, ручка, запасная ручка, запасной крем для ноздрей, спички, коробок, две сливы, блокнот с хорошенькими котят-

ками, крем для губ, вода, пластиковые стаканы, кошелек, карточка-ключ, духи, другие духи, крем от космических лучей и лазерный бластер. Ладно, насчет за-пасного крема для ноздрей я пошутила.

Моя сумка больше в два раза, раздулась, как кашалот, забита всякой дрянью, а нужную вещь в ней можно раскопать только спустя сутки с момента надобности. И то случайно.

Вывод. Моя сестра Вика – Греция, у которой всё есть.

БЛЕДНО-ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Джеральд Даррелл «Моя семья и другие звери»: «Это был высокий, просторный венецианский особняк с выцветшими бледно-желтыми стенами, зелеными ставнями и буровато-красной крышей. Он стоял на холме у моря в окружении заброшенных оливковых рощ и безмолвных садов, где росли лимоны и апельсины. Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом...»

...И вот (не сразу!) выяснилось, что наш отель на Корфу – «Kontokali Bay» – находится по соседству с бледно-желтым домом семьи Дарреллов. К сожалению, внутрь нас не пустили, там идут съемки какого-то фильма, надеюсь, по книге Ларри или Джерри.

В этом году Джеральду Дарреллу могло бы исполниться 90 лет. Говорят, он до конца дней жалел о том, что создал литературную славу острову Корфу, которая способствовала превращению этого места в туристический рай. Наверное, самому Джеральду вряд ли понравился бы современный вид из окна бледно-желтого дома с вездесущими меднокожими купальщиками, оседлавшими свои надувные матрасы, туристическими катерами, водными лыжами и парашютами, катамаранами (которые по-гречески называются емким словом «педало») и прочим мусором цивилизации. Впрочем, Корфу и без помощи братьев Дарреллов стал бы местом паломничества туристов всего мира. Уж больно он красивый, теплый и зеленый.

Во время экскурсии по острову русский экскурсовод в немногих словах упомянула о «братьях Дарреллах, писателях-натуралистах» (бедный Ларри перевернулся в гробу при слове «натуралист» :)). Но заметила, что корфиоты этих авторов не любят, дескать, те нелюбезно отзывались о греках в своих книгах, а греки – народ обидчивый... Из чего следует, что ни эта милая девушка, ни большинство почтенных корфиотов книги братьев Дарреллов, увы, не читали.

Ну и спите спокойно, дорогие товарищи. А мы как раз читаем... Что там дальше? «Заброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным, изрезанным горам Албании. Все тут лежало как бы в полусне, напоенное весенним солнцем и отданное во власть мхам, папоротникам и зарослям мелких поганок...»

